

ЭДУАРД ОВЕЧКИН

АКУЛЫ ИЗ СТАЛИ
ПОСЛЕДНИЙ
ПОХОД

Издательство АСТ
Москва

Торт на блюде

Один вопрос остался не рассмотренным нами в плане дифференциации полов — и это вопрос отношения к употреблению алкоголя перорально, то есть путём приёма внутрь через рот. Перед тем как начать веселье, необходимо подчеркнуть, что алкоголь однозначно вреден для здоровья, но некоторые индивидуумы всё равно его употребляют, особенно на ранних стадиях развития своего организма. Так что стыдливо умалчивать эту тему можно, но это уж сильно будет смахивать на ханжество. Также следует понимать, что весь следующий абзац посвящён некоторым усреднённым типажам обоих полов (тут у нас полное равноправие) без упоминания крайних состояний отношения к алкоголю: безудержной любви и неотвратимому отвращению.

Женщине, чтобы выпить, нужно предварительно найти повод для этого. Весомый, а не какой-нибудь «день взятия Бастилии». Например, душевное расстройство вполне может подойти. Или, наоборот, радостное событие.

Какие предварительные действия предпринимает женщина, если по велению души или физиологической необходимости ей срочно нужно выпить порцию алкоголя?

Следующие:

— идёт в магазин и долго выбирает, бродя между полками с вином;

— кроме собственно вина (или пива, но какого-нибудь особенного), женщина покупает виноград, сыр, ветчину «прошутто» (граммов сто, по цене как за два килограмма вырезки), может, ещё оливки (или маслины), чипсы и соус;

— делает дома большую приборку;

— принимает ванну;

— долго ищет в Сети, что бы этакое посмотреть;

— накрывает стол, всё выкладывает на тарелку красивыми сходящимися спиралями;

— зажигает свечи;

— цедит вино, задумчиво глядя в окно на клубы туч над покатыми крышами;

— вздыхает и ждёт расслабления.

Мужчине повод для того, чтобы выпить, не нужен. Мужчине вообще мало на что нужен повод, а уж тут-то и подавно.

Какие предварительные действия предпринимает мужчина, если ему захотелось выпить?

А вот такие:

— бежит в отдел «Акция» в магазине;

— хватает бутылку пива, откусывает пробку, пьёт.

— расслабляется и вздыхает;

— идёт искать, чем бы закусить.

На этом лирическое отступление предлагаю считать закрытым и перейти к основной части про то, как легко иногда удивить человека.

Решили мы как-то с Жариком устроить пенную вечеринку: попить пива, если по-простому, по рабоче-крестьянскому. Жарик учился на перегрузчика, и до перевода в Питер мы общались с ним редко, только в режимах: «Эй, братуха, помоги братуху пьяного до казармы донести» или «Эй, брат, сигаретки не будет?». А в Питере нас всех перемешали, и оказались мы с ним в соседних каютах: как заходишь на

второй этаж — прямо метров десять, потом налево метров сорок, через квадратное утолщение коридора ещё раз налево, и метров двадцать до того, как упруешься в стенку лбом. Как раз справа от упора была моя каюта, а перед ней — Жарика. В таком тупиковом месте мы поселились специально, чтоб меньше любопытных глаз всяких дежурных до нас докатывалось: и не беда, что каюты были крошечные (моя-то ещё более-менее, а у Жарика вообще три на три метра для четверых тел), зато место уютное!

Жарик был длинным, как логарифм, равный гиперболическому косинусу, с ёжиком смолянисто-чёрных волос и ямочками на щеках, когда улыбался — а улыбался он очень часто, любил это дело и обладал недюжинным оптимизмом вдобавок. Вот всё ему нравилось: и учиться, и бегать в самоходы, и драться с хулиганами, и дежурить по камбузу, и общаться с друзьями — поэтому совсем не удивительно, что мы быстро с ним сдружились.

— Ты работаешь сегодня? — спросил Жарик у меня после обеда в пятницу.

— Неа.

— А чо делать собираешься вечером?

— А что?

— Ничто! Так что?

— Ну-у-у, не знаю... В город схожу, может.

— Что делать?

— Да просто погулять, по сторонам рот поразевать, а что?

— Да мне вот тоже делать нечего. В связи с этим есть предложение, в корне подкупающее своей новизной!

— Пиво?

— Нет! Много пива! Слышал я истории от людей знающих, что от пива похмелье хуже, чем от антифриза, но всё меня сомнения гложут по этому поводу — уж не врут ли народные сказители?

— Предлагаешь проверить?

— Настойчиво предлагаю!

— Не, ну а чего нет-то, если да? Давай не пьянства ради, а сугубо науки для — поставим такой эксперимент над своими молодыми жизнями!

— Тяни спичку! О, длинная — тебе идти за пивом, держи деньги!

— Погоди, Жарик, а если короткая была бы?

— Ну тоже тебе выпало бы! Ты ж, как лошара, повёлся, не уточнив условий предварительно! Всё, я убежал, мне ещё на кафедре надо там кое-что доделать!

На какой, в жопу, кафедре? У них же и кафедры своей не было в Дзержинке, ну вот что за человек, а? Ладно, делать нечего, собрался, взял сумку пластиковую в красно-синий рубчик и двинул за реактивами для эксперимента. Уложив в сумку ящик (для бравады хочется написать, что два, но вот помнится, что был один, максимум полтора), иду обратно через центральную проходную, стараясь громко не звенеть. Ну я пятый курс уже: выпуск вот-вот. Это в «Галоше» и с пятого курса могли вышвырнуть как за здорово живёшь, а тут, в тюрьме народов, пятый курс был практически неприкасаем — по какой причине, не знаю, да и не третьекурсника на вертушке же опасаться, правильно? Кто ж знал, что дежурному по училищу в рубке сидеться не будет в пятницу глубоко после обеда. Они же там спят все в это время обычно, а этот нет — смотрит на меня с этаким, знаете, любопытством в глазах.

— А что у вас в сумке, товарищ курсант, разрешите полюбопытствовать?

— Вещи, — говорю, — всякие.

— Дзынь! — радостно подтверждают мои слова вещи.

— А можно установить с ними визуальный контакт?

— Конечно! — с громким стуком ставлю сумку на стол и открываю молнию.

— Вот это да! — и дежурный, сдвинув фуражку на затылок, потирает лоб. — Это же пиво!

— Что не противоречит слову «вещи», согласитесь.

— Это-то так, да. Но в корне противоречит вообще всем воинским уставам и приказам вышестоящих начальников!

— Ой, а вы подумали, что я его тут пить собираюсь?

— Ну нет, я подумал, что ты им клумбы поливать станешь!

— В магазине завоз просто. Свежего. А до увольнения ещё несколько часов, вот мы и решили взять загодя, а то расхватают же алкаши всякие! Но пить в училище не будем, вы что — нельзя же! Домой понесём и там всё вылакаем!

— Точно?

— Вот вам крест, товарищ капитан второго ранга!

— Животворящий?

— Самый что ни на есть!

— В глаза смотри. Точно в училище пить не будете?

— Точнее не бывает!

— Ну ладно — иди, только не звени, как Спас на Крови! Аккуратно носи!

— Конечно-конечно! Всенепременнейше!

Вечером надели с Жариком свои любимые треники, тельняшки (не снимали), сели в его каютке и приступили. Сидим, пьём, крышки в мусорку кидаем, на мокрые крыши серого цвета любимемся и за жизнь разговоры разговариваем. Причём ну вы же понимаете, что и жизни-то той мы ещё не то что не видели, а и не нюхали даже, но когда этот незначительный факт кого-то останавливал? Почти всё уже всосали, как дверь с треском распаивается, смачно хлопая по шкафу, о который она должна стопориться при аккуратном открывании. На пороге стоит наш командир роты (дежурным

по училищу заступил) и сверкает в нас глазами из-под козырька фуражки.

— Товарищ старший лейтенант! — начинает брать быка за рога Жарик. — Ну аккуратнее надо с дверями-то! Вы же мне шкаф вон поцарапали и чуть не сломали!

— Пьёте, скоты? — пропуская мимо ушей замечания Жарика, вступает командир роты.

— Кто? — удивляется Жарик и убирает под стол бутылку пива, которую он только что допил. — Мы? Не-е-е-т, тащ старший лейтенант. Это не мы, это до нас кто-то выпил, а мы только пришли с дискотеки. Скажи, Эд?

— Угумс, — говорю я то, что ещё способен выговорить.

— То есть это вы не пьяные такие, а уставшие?

— Да-а-а, тащ! Так и есть!

— Дверь-то хоть бы на замок закрыли! Совсем страх потеряли!

— Ну и вы бы тогда замок вышибли, правильно? А так — не вышибли. Целый замочек-то! Вот она — смекалочка!

— Ну что с вами разговаривать сейчас, всё понятно. Так. Ещё раз. И оба в Приморье усвистите по распределению! Лично прослежу!

— Не-е-е, мы не хотим в Приморье, мы на Север хотим же. И отличники почти — имеем право выбирать. Правильно я говорю, Эд?

— Угумс!

— Я повторяю, как Совинформбюро, специально для коматозников! Ещё раз — и в Приморье! И лично за вами следить буду! Лично! Вот этими вот глазами! Скоты.

И уходит.

— А дверь! — кричит Жарик ему вслед. — Дверь закрыть!

— Скоты! — доносит эхо уже издалека.

— Не, ну чё скоты-то, ну? Скажи, Эд?

— Это он от обиды, что мы его не угостили!

— Думаешь?

— Уверен!

— Точно! Вот мы жлобы-то, да? Что там, осталось ещё?
Пошли догоним — угостим.

Хорошо, что не догнали. А похмелье потом было, да. Не знаю, что там с антифризом, но очень жёсткое.

В следующую пятницу опять не задалось ни с погодой, ни с настроением: бреду с обеда и думаю, чем бы себя занять, как догоняет меня Жарик:

— Эд, что сегодня делаешь?

— Нет!

— Что нет?

— Меня только во вторник до конца отпустило с прошлой пятницы, поэтому — нет!

— Да я не про это! Ну что ты как маленький!

— Ну допустим. А про что тогда?

— Я вчера у бомжови одного купил сервиз чайный фарфоровый на двенадцать персон за две бутылки водки, представляешь?

— Нет, не представляю абсолютно, для каких тебе целей мог понадобиться фарфоровый сервиз на двенадцать персон?

— Он так прекрасен, что как только я его увидел, то все вопросы сразу отпали, кроме единственного: отчего у меня до сих пор такого не было?! Там олени, понимаешь, всякие, ну или лани, охотницы с луками. Лес. Вот.

— Ну я понял, да, что он прекрасен, но не понял, при чём то, что я сегодня делаю?

— А чего он стоит в коробке у меня и пыль на себя аккумулирует? Давай купим торт и сядем пить чай вечером!

— Какое неожиданное предложение! Я даже... растерялся. Спички тянуть не буду!

— Конечно не будешь, а то купишь там неизвестно что... Вместе пойдём!

Куда могли отправиться за тортом двое молодых парней, которым, может быть, первый раз в жизни пришлось в голову провести вечер, просто распивая чай? Ну конечно же в универмаг братьев Елисеевых.

Торт выбирали долго, спорили, ругались и чуть не похоронили там же нашу дружбу. От «Наполеона» Жарик отказался сразу же, мотивируя это тем, что торт имени агрессора он есть не станет. Ну ладно, не объяснять же в кондитерском отделе человеку, который учится на перегрузчика, тонкости геополитики начала девятнадцатого века и особенности характеров Наполеона и Александра Первого... Остальные торты были или слишком сухими, или слишком кремовыми, или чересчур обсыпанными арахисом. В итоге посмотрели уже именные и дошли почти до свадебных, когда увидели классический «Киевский торт», изготовленный по оригинальной рецептуре 1956 года (согласно записи на ценнике, но знаете, как в Питере ценники пишут, да?).

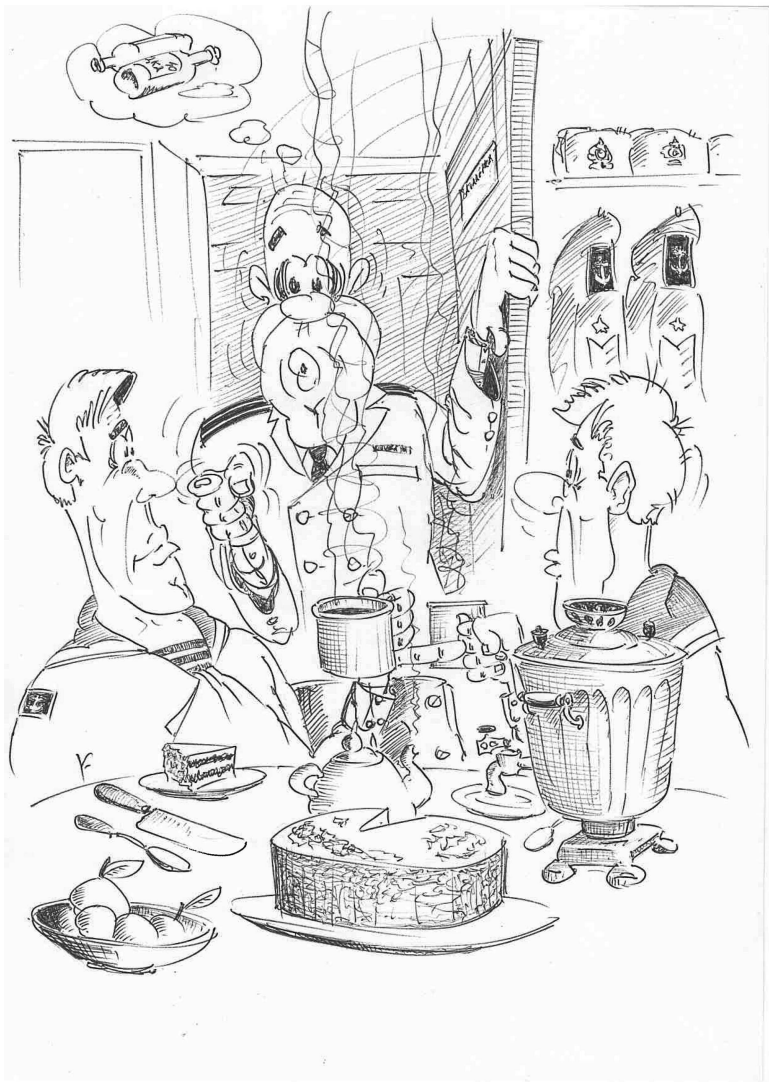
— О, смотри и розочки кремовые! И розовые, и зелёные! А он без арахиса?

— Обижаете! — надулась продавщица. — Только фундук! Только оригинальные рецептуры!

— Ну да, ну да... Плавали — знаем. Ладно! Заверните нам один!

На сдачу прихватили пакетик развесного чая.

Долго готовились — намного дольше, чем к распитию пива. Убрались в каюту, застелили стол самой белой простыней, которую нашли, красиво расставили сервиз, потом засмущались своего простецкого вида на фоне этого средневекового утончённого излишества с лучницами — решили переодеться, а заодно и побриться. Пока чайник потел боками, нагладили брюки и гюйсы, достали чистые тельняшки, оделись полностью в форму номер три, только без

фуражек, пожалели, что курсантам прекратили выдавать палаша, и вот только этого штриха нам и не хватило для полного погружения в атмосферу. Расселись. Не знаю точно, применимо ли слово «расселись» к дуэту, но синонимом его не заменишь, не погрешив против истины. В середине — торт, а вокруг него — сервиз с чайником, блюдцами и чашечками, а уже дальше, совсем на периферии перспективы — мы с Жариком, торжественные, как статуи Будды. Пьём чай, важно надувая щёки, и едим торт. Ложечками! Никого не трогаем. О высоком разговариваем и об искусстве, следим за опусканием покровов тьмы на крыши Адмиралтейства... Вдруг дверь в каюту с треском распаивается, ударяется о шкаф и ме-е-едленно начинает закрываться.

Из полутьмы коридора на нас смотрит командир в плаще и со следами дождя на плечах. Ну не совсем смотрит, а скорее изображает жертву горгоны Медузы. И дверь так медленно-медленно закрывает его от наших глаз.

— Не обращайтесь внимания, Эдуард! Это некоторые издержки воспитания в местном обществе. Так что вы там про экспозицию Малевича говорили?

— Так, блядь, — командир медленно ладонью открывает дверь, — что здесь происходит?

— А на что похоже? — спрашивает Жарик.

Командир заходит внутрь с некоторой опаской. Оглядывается. Заглядывает в шкаф, в тумбочки, под матрасы и под подушки, а также за батареи центрального отопления (они не топили, конечно, но так назывались).

— Где? — спрашивает.

— Что где?

— Бабы где?

— Какие бабы?

— С которыми вы чай с тортом пьёте!

— Так мы просто чай с тортом пьём. Но если вы баб хотите, то можем вам привести, конечно.

— Так... — Командир садится, снимает фуражку, аккуратно кладёт её на колено, расстёгивает плащ и ослабляет белое кашне. — То есть я сюда через весь город ехал абсолютно зря?

— Ну отчего же зря? Вот чая попейте из фарфорового сервиза с «Киевским тортом» по оригинальной рецептуре, без арахиса.

Наливаем ему чай, режем кусок торта и дальше сидим втроём — слушаем уже его рассказы про службу на Новой Земле, сушёную картошку, морковку и лук круглый год. И периодически отвечаем: нет, это мы не специально затеяли, чтобы его дураком выставить, а просто захотелось чая с тортом попить, и что такого, что прямо из фарфорового сервиза и на почти белой скатерти?

Сильно удивлялся, конечно, и до конца нам так и не поверил. Хотя если подумать, то что тут удивительного, в самом деле? Ну не все же порывы молодости направлены непременно на саморазрушение организма, верно? Случаются же и прекрасные порывы, как ни старайся их задавить. И без видимых причин в том числе — тяга к прекрасному.